

**THE CREATION OF SOCIAL SPACE IN RUSSIA:
FROM SLAVERY TO CONSTRUCTIVISM**

For *Quaestio Rossica's* third issue of 2016, we have selected two major topics that seem quite distant from each other at first glance: the first is related to the history of Russia as the Middle Ages faded into modernity, while the second deals with the first Five-Year Plans in the USSR. What these two topics have in common is the continued interest of historians in manifestations of the social. Indeed, the concept of the social can be manifested in various spheres: legal norms, economic principles, and ways of inhabiting the environment. These incarnations often differ dramatically from the common view of social processes as rational and well-organised phenomena.

The first topic (*Problema voluminis* section) is dedicated to the actual materials with which Russia's 20th century was built, and is accordingly entitled 'Bolshevism in Brick and Concrete: Soviet Constructivism in the Past and Present'. It opens with an article by *Thomas Flierl* (University of Konstanz, Germany), a former Senator for Science, Research, and Culture in Berlin: "The 4th CIAM Congress in Moscow. Preparation and Failure 1928–1933". The IV *Congrès International d'Architecture Moderne* (CIAM), initially conceived as an ambitious demonstration of avant-garde architecture in the capital of the world's first 'proletarian state', never actually took place, and instead came to represent another step towards the rupture between the Soviet establishment and functionalist architecture. Not only were there ideological differences, but the general instability in Stalin's USSR also imposed insurmountable obstacles on the road to holding an international convention of architects. The period when a rigid administrative management system in the USSR was formed simultaneously proved to be an epoch of social turbulence: the idea of an architecture congress in Moscow ultimately vanished into this chaos.

The forced mobilisation required to salve the urgent need for socialist buildings produced social and administrative disarray. Constructivist architecture may be considered a visible manifestation of this tumult, its enshrinement in brick and Concrete (a paradoxical situation for an architectural style supposedly based on rationality and functionalism). *Eugenia Konyshcheva* (South Ural State University, Chelyabinsk, Russia) has offered a piece on precisely this subject: "Sun, Air, and Homes for All"? Soviet Variations on the European Experience of Mass Housing Construction during the First Five-Year Plans" is dedicated to examining the architectural

specifics of Ural and Siberian *sotsgorodki* ('social towns'), such as Kuznetsk, Magnitogorsk, and Orsk. All of these examples were planned and constructed with the participation of European experts, led by the famous Ernst May. However, the experiences of Weimar Germany proved inapplicable to Soviet conditions, both because of the lack of resources and the authorities' inability to set definitive, clear, and constant goals.

In his work "Uralmash in the Architecture of the Soviet Avant-garde: An Experiment in City Construction in the 1920s and 1930s", *Mikhail Ilchenko* (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia) discusses the architecture of the legendary *sotsgorodok* Uralmash, a giant heavy machinery plant in Sverdlovsk/Yekaterinburg, and places it into a broad historical and cultural context. The author concludes that Uralmash has value beyond its reputation as one of the most compelling examples of this international style. Indeed, the improvisation demonstrated by architects and engineers in the ever-transforming social context of industrialisation is fundamental to understanding the artistic value of this particular complex: this suggests we should not be bound by strict stylistic definitions when evaluating the success, failure, or heritage of architectural projects. The social and administrative turmoil during the first Five-Year Plans is therefore a fundamental criterion to consider when judging the significance of various Constructivist creations like Uralmash.

The USSR never came to possess Weimar-style living quarters, but something rather different; nonetheless, the Soviet style of mass housing is no less valuable and meaningful for the history of architecture. How does Russia's Constructivist heritage function today? How do local communities become aware of it, preserve it, and actualise it? Can we turn the urban heritage of the early Stalin era, haphazardly scattered across Russia, into cultural capitals despite all of the aforementioned problems of these ambitious social projects? *Mikhail Timofeev's* (Ivanovo State University, Russia) "From 'Red Manchester' to 'Red Disneyland': Constructivist Architecture and the Representation of Ivanovo" relates the story of the architectural heritage of a major centre of the Soviet textile industry in these terms. According to the author, Ivanovo is immersed in the riches of the Soviet past and thus can function as a kind of 'Red Disneyland' today, a cultural reserve of socialism's legacy.

Finally, in *Recensiones*, *Sergey Postnikov* and *Leonid Smirnov* (Ural State University of Architecture and Art, Yekaterinburg) have provided their research on the "History of Constructivism in the Urals: 21st-century Studies": this complements the issue's journey into the history of Soviet Constructivism by offering a comprehensive review of the newest literature on the topic.

The section *Social Space in Russia: Medieval and Modern Perspectives* opens with a work by *Adrian Selin* (Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia): "Muslim and Newly-Baptised Tartars in Novgorod: The Formation and Development of a Small Social Group in the Late

16th and Early 17th Centuries”. The article focuses on the ethnic and confessional identities of Novgorod Tatars, a group constituted by both Muslims and the so-called *novokreshcheny* (newly-baptised). They were military servitors who had been drafted from among the Turkic peoples of the Volga, the Black Sea, and Central Asia. The mobilisation of these servicemen was meant to draw upon their outstanding combat potential: it was Sigismund von Herberstein who first noted how determinedly the Tatars fought. However, the fact that they were given estates in the Novgorod region inhabited almost exclusively by an Orthodox population gave rise to a contradiction, one that solved only with the gradual conversion of these Muslims to Orthodoxy. Such complex forms of inter-confessional interaction in the 16th and 17th centuries, the author argues, may have contained the potential to help resolve similar ethnic conflicts in the future.

It seems that there is no more common a phenomenon in the world than slavery. Even apparently universal concepts like ‘feudalism’, ‘democracy’, and ‘revolution’ cannot be applied to all countries or civilisations. Slavery, however, has arguably been ubiquitous: it survived in the United States until as late as 1865, and still exists in many places in perverted, undocumented forms. Russia was no exception. The phenomenon of *kholopstvo* in Russian history is explored in Vladimir Arakcheev’s (Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg) article, “Slavery in 17th-century Russia”. It is extremely difficult to write about *kholopstvo* for a number of reasons. Firstly, the source base is deficient: as is well known, the archive of the *Kholopskiy Prikaz*, the central governmental organisation for the regulation of slavery in Moscow, burnt down in 1682. Thus, most of the sources upon which historians draw when researching slavery come from Novgorod. Secondly, writing the history of slavery in one’s own country cannot but provoke one to recall Lermontov’s famous line about Russia as ‘the country of slaves’ and thereby ignite a desire to ‘whitewash’ this blot out of the historical narrative. As such, it is important to interact with international scholars working in the same field: thus, Arakcheev enters into a dialogue with Richard Hellie’s use of the notion of ‘caste’ to designate this particular social category.

Meanwhile, in her contribution “Managing Space: The Structure and Organisation of the Communication System in a Monastic Economy from the 16th to the 18th Centuries”, Margarita Dadykina (Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia) outlines the history of the economic activity in a major Russian monastery. Monasteries were powerful commercial actors, driving and dominating trade not only in their own environs, but also throughout various regions; their convoys sailed both across the Russian North and down the Volga, delivering grain, salt, fish, leather, and other goods to the various corners of the country.

The section ends with Dorena Caroli’s (University of Macerata, Italy) “The Introduction and Spread of European-Style Crèches in Russia”.

Analysing the development and function of nurseries in late imperial Russia, the author concludes that while they resembled their European counterparts, the quality of care provided remained inadequate even as the First World War broke out.

While *Dmitry Liseytsev's* (Institute of Russian History, RAS, Moscow) contribution has thematic parallels with the pieces mentioned above, we have placed into the *Sources* section of this issue, since it largely deals with the innovative use of documentary evidence. Entitled "The Service People of Pskov in the Times of Troubles", it proffers vivid sketches of the 17th-century civil war as it unfolded in Northwestern Russia. The accounts of two military servicemen who petitioned for a fair assessment of their past achievements from the Muscovite government show the complexity of human destinies during a vicious internecine conflict. The author discovers omissions and lapses in their stories, leading him to justly suggest that one of the soldiers had switched sides to join Bolotnikov's rebel army: however, favoured by fortune, he was able to escape punishment and provide a narrative of himself as a 'servant of the tsar' who had served his sovereign with considerable 'bravery'.

This issue's *Disputatio* section includes various articles that we have not sought to unite under a common theme. It opens with *Oleg Khoruzhenko's* (Institute of Russian History, RAS, Moscow) "A New Reading of the Genealogy of the Princes Fominsky-Travin: A Story of Wedding Hexes". The author thoroughly explores the legend surrounding the divorce of the Moscow Grand Duke Simeon Gordyi (the Proud) and examines its folk origins. Dmitry Redin (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia) looks at "Reforms of Local Administration in the Petrine Epoch: The Paradoxes of Centralisation": he proposes the existence of 'ordinary' and 'extraordinary' systems of local governance, the clash between which undermined the effectiveness of Peter the Great's *Polizeistaat*. *Vladimir Zemtsov's* (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia) work, "Moscow under Napoleon: The Social Experience of Cross-Cultural Dialogue", introduces a new perspective on Napoleon's occupation of Moscow by analysing the varieties in Muscovite behavioural strategies in relation to the occupying forces. Finally, *Sergey Nefedov* (Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, Yekaterinburg) has contributed "The Student Movement in Moscow on the Eve of the 1905 Revolution". Here, he evaluates the extent to which Moscow students instigated the revolution; on the basis of archival data, he discovers that the student movement unfolded spontaneously, without the influence of any political parties.

The issue concludes with *Recensiones*, which, besides the piece already mentioned, contains *Oleg Gorbachev's* (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia) extensive review of *Broad is My Native Land: The Dimensions of Russian Migration* by Lewis H. Siegelbaum and Leslie Page Moch. The reviewer surveys the attitudes towards migration

demonstrated by Siegelbaum and Moch, who focus on migrants themselves rather than the states between which they move, and describes the individual practices established by migrants as they shifted between social spaces. The choice to centre the narrative on migrants and not states dissolves the traditional division between voluntary and forced migration; however, it also leads to a logical contradiction, since it is impossible to ignore the factor of coercion in 20th-century Russian history. Nonetheless, it is concluded that the book under review is to be recommended for the way in which it considers Russian migrations in terms of the global context.

Vladimir Arakcheev, Konstantin Bugrov,
Ural Federal University,
Institute of History and Archaeology,
Russian Academy of Sciences (Ural Branch),
Yekaterinburg, Russia.
Translated by Anna Dergacheva

Для третьего номера *Quaestio Rossica* в качестве основных были избраны две, на первый взгляд, далеко отстоящие друг от друга проблемы: одна из них связана с историей России на рубеже Средневековья и Нового времени, а другая – с эпохой первых пятилеток в СССР. Их, однако, роднит неизменный интерес историков к различным проявлениям социального, ибо реализуется оно разными путями: в норме закона, способах хозяйствования, способах обживания окружающего пространства. Проявления эти зачастую разительно отличаются от устоявшихся представлений о направленных, рациональных, хорошо организованных социальных процессах. Впрочем, Первый раздел журнала посвящен вполне реальным стройматериалам и носит заглавие «Большевизм в кирпиче и бетоне: прошлое и настоящее архитектуры конструктивизма». Открывает его работа Томаса Флирля (Thomas Flierl, Берлин) «The 4th CIAM Congress in Moscow. Preparation and Failure 1928–1933». IV Всемирный конгресс современных архитекторов (CIAM), задуманный как амбициозная манифестация авангардной архитектуры в столице первого в мире «пролетарского государства», так и не состоялся, став еще одним шагом к разрыву между советским истеблишментом и архитектурной практикой функционализма. Непреодолимой преградой на этом пути оказались не только идеологические расхождения между ними, но и общая нестабильность сталинского СССР. Период становления жесткой командно-административной системы управления оказался одновременно эпохой социальной турбулентности, и в этом хаосе гинула идея конгресса в Москве.

Мобилизационное форсирование строительства социализма действительно оборачивалось социальным и административным хаосом; конструктивистская архитектура вполне может считаться его зримым проявлением, зафиксированным в кирпиче и бетоне (парадоксальный эффект для архитектуры, стремящейся к рационализму и функционализму). Статья *Евгении Конышевой* (Челябинск) «“Солнце, воздух и дом для всех”? Советские вариации европейского опыта жилищного строительства в годы первых пятилеток» посвящена архитектурной специфике уральских и сибирских соцгородов Магнитогорска, Кузнецка, Орска, созданных при участии европейских специалистов во главе со знаменитым Э. Маем. Не только дефицит ресурсов, но и хаотичная постановка целей привели к тому, что опыт Веймарской Германии на советской почве оказался неприменимым: экономичное жилье в советских условиях предполагало как можно больший «коэффициент экономности» – побольше жилплощади, поменьше инфраструктуры.

Михаил Ильченко (Екатеринбург) в своей статье «Опыт Уралмаша в архитектуре советского авангарда: градостроительный эксперимент 1920–1930-х гг.» анализирует архитектурный комплекс легендарного соцгорода Уралмаша в широком историко-культурном контексте. Автор приходит к выводу о том, что несмотря на хаос и дезорганизацию, сопровождавшие продвижение конструктивизма вглубь СССР, конструктивистское наследие обладает ценностью не только как одно из проявлений глобального функционалистского стиля. Напротив, импровизация архитекторов и инженеров в изменчивом социальном контексте индустриализации и является залогом ценности архитектурных решений, не связанных рамками стилистических определений. Таким образом, социальный и административный хаос эры первых пятилеток осмыслен здесь как важнейший фактор, придающий значимость конструктивистским локусам – таким, как Уралмаш.

Кварталов в стиле Веймарской Республики в СССР не получилось, но получилось кое-что иное, не менее ценное и значимое для истории. Каким образом конструктивистское наследие функционирует сегодня? Как его осознать, сохраняет, актуализирует местное сообщество? Способны ли мы сегодня превратить хаотично разбросанное по России наследие первых пятилеток в культурный капитал, несмотря на все отмеченные выше проблемы реализации грандиозных социальных проектов, изрядно терявших амбиции при переносе с бумаги в реальную жизнь? Статья *Михаила Тимофеева* (Иваново) «От “красного Манчестера” к “красному Диснейленду”»: конструктивистская архитектура и стратегии позиционирования города Иваново» повествует об архитектурном наследии крупнейшего центра советской текстильной индустрии. По мнению автора, обладающее богатейшим советским прошлым («город первого Совета», «красный Манчестер»), Иваново сегод-

ня способно выступить в роли такого «красного Диснейленда», заповедника культуры эпохи социализма. Важную роль в таком позиционировании способно сыграть архитектурное наследие конструктивизма.

Помещенная в разделе «Recensiones» статья *Сергея Постникова* и *Леонида Смирнова* (Екатеринбург) «History of Constructivism in the Urals: 21st Century Studies» дополняет экскурс в историю советского конструктивизма, представляя собой содержательный обзор новейшей литературы по этой теме.

Раздел «Пространство социального в России: Средневековые и Новоевремя» открывает статья *Адриана Селина* (Москва) «Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.)». Она посвящена особой этноконфессиональной группе новгородских татар и новокрещенов – служилых людей, набравшихся из числа тюркоязычных народов Поволжья, Причерноморья и Средней Азии. Мобилизация этих обобщенно называвшихся татарами (позднее – инородцами) воинов была обусловлена их выдающимся боевым потенциалом: еще Сигизмунд Герберштейн отмечал, насколько упорно сражаются татары. Их появление в новгородских землях в качестве помещиков приводило к определенному противоречию, состоявшему в факте проживания в их поместьях православного населения, противоречию, разрешавшемуся постепенным переходом мусульман в православие. Сложные формы этноконфессионального взаимодействия в XVI–XVII вв. содержали потенциал для разрешения конфликтов на этнической почве в будущем.

Кажется, нет в мире явления более общего для практически всех народов, чем рабство. Не только вызывающее в последнее время все больше вопросов понятие «феодализм», но и понятия «демократия», «революция» применяются отнюдь не ко всем странам и цивилизациям. Рабство же было всеобщим явлением, просуществовавшим даже в США до 1865 г., а в законодательно не оформленном виде существующим по сей день. Россия в этом ряду не была исключением, и феномен холопства в XVII в. исследуется в статье *Владимира Аракчеева* (Екатеринбург) «Холопство в России XVII в.: институт, не породивший касту». Писать о холопстве крайне сложно по целому ряду причин. Во-первых, из-за деформированной источниковой базы. Как известно, в 1682 г. в Москве сгорел архив Холопьего приказа – центрального правительственного учреждения, регулировавшего институт рабства. Большая часть источников, на основании которых историки создают картину холопства в России, имеет новгородское происхождение. Во-вторых, написание истории рабства в своем отечестве не может не отсылать к известным строкам Лермонтова о «стране рабов» и не вызывать желания каким-то образом обелить это явление. Попытка прове-

ритель примененное к этой социальной страте американским русистом Р. Хелли понятие касты представляется удачным способом избежать упрощающего подхода к решению проблемы.

Статья *Маргариты Дадыкиной* (Санкт-Петербург) «Управляя странством: организация Спасо-Прилуцким монастырем водных коммуникаций и их структура (XVI–XVII вв.)» посвящена истории экономической деятельности одного из крупных русских монастырей. Такие монастыри являлись мощными хозяйствующими субъектами и главными драйверами крупнооптовой торговли, доминировавшими не только в районах расположения своих вотчин, но и в местах промыслов; караваны их судов шли по рекам Русского Севера, Поволжья, доставляя в разные концы страны хлеб, соль, рыбу, кожи и другие товары. Автор предлагает рассмотреть монашеские общины как эффективных организаторов хозяйственных связей, игравших в аграрных экономиках ведущую роль.

Завершает раздел работа *Дорены Кароли* (Мачерата, Италия) «Распространение европейской образовательной модели детских яслей (*crèches*) в России». Анализируя разнообразные параметры функционирования яслей в России XIX – начала XX в., автор приходит к выводу о том, что, хотя развитие ясельных учреждений в России следовало общеевропейскому тренду, их состояние все же оставалось неудовлетворительным.

К этому разделу тематически примыкает и помещенная в раздел «Источники» статья *Дмитрия Лисейцева* (Москва) «Служилые люди Пскова в событиях Смутного времени (по материалам челобитных)», представляющая яркие зарисовки событий гражданской войны начала XVII в. на Северо-Западе России. История двух служилых людей, добивавшихся от правительства справедливой с их точки зрения оценки их прошлых заслуг, показывает сложность людских судеб в эпоху гражданской войны. В изложении из прежних служб видны недомолвки и недосказанности; автор справедливо предполагает, что один из них вполне мог перейти на сторону повстанческой армии И. Болотникова, но судьба уберегла его от возможной расправы, и вот он вновь «слуга царю», напоминающий ему о своих «подвигах».

Раздел «Disputatio», включающий статьи по различным исследовательским проблемам, не объединенные единой тематикой, открывает статья *Олега Хоруженко* (Москва) «Опыт нового прочтения родословной легенды князей Фоминских – Травиных: сюжет свадебной порчи». Автор детально исследует легенду о разводе московского великого князя Симеона Гордого, доказывая ее фольклорное происхождение. *Дмитрий Редин* (Екатеринбург) в статье «Реформы местного управления в Петровскую эпоху: парадоксы централизации» выделяет «ординарную» и «экстраординарную» системы местного управления, столкновения между которыми подрывали и ограничивали эффективность петровского *Polizeistaat*.

Статья *Владимира Земцова* (Екатеринбург) «Москва при Наполеоне: социальный опыт кросс-культурного диалога» представляет новый взгляд на историю пребывания наполеоновской армии в Москве, анализируя многообразие стратегий поведения жителей столицы по отношению к оккупантам. Наконец, в работе *Сергея Нефёдова* (Екатеринбург) «Московское студенчество накануне революции 1905 года: анатомия протеста» исследуется вопрос о том, в какой степени студенчество исполняло роль застрельщика революции. Автор на основании архивных данных приходит к выводу, что студенческое движение развернулось стихийно, помимо влияния тех или иных политических партий.

Завершающая номер *Quaestio Rossica* статья *Олега Горбачёва* (Екатеринбург) «“Широка страна моя родная”: измерения российской миграции», помещенная в разделе «Recensiones», посвящена анализу книги «“Широка страна моя родная”: Миграционные практики и режимы миграции в России в XX веке» (авторы – Л. Сигельбаум и Л. Мох). Автор оценивает концепцию миграций, разработанную Сигельбаумом и Мох и ставящую в центр внимания не государство, а самих мигрантов, вырабатывающих индивидуальные практики перемещения в социальном пространстве. Эта концепция упраздняет традиционное деление миграций на добровольные и принудительные, однако ведет к логическому противоречию, поскольку в российской истории XX столетия фактор принуждения игнорировать сложно. Тем не менее, рецензируемое исследование, помещающее российские миграции в глобальный контекст, обладает высокой научной значимостью.

*Владимир Аракчеев, Константин Бугров,
Институт истории и археологии УрО РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*